

Глава 12. Потребление и обмен

Давайте сначала поговорим об организации потребления, ведь люди должны поесть, прежде чем они смогут работать и производить.

«Что вы имеете в виду под организацией потребления?» – спросит ваш приятель.

«Думаю, что он имеет в виду рacionamento продуктов», – заметите вы.

Верно, именно это я и имею в виду. Конечно, когда социальная революция будет тщательно организована и производство заработает нормально, будет достаточно продуктов и изделий для каждого. Но на первых стадиях революции, в ходе процесса реконструкции, нам следует позаботиться о снабжении людей как можно лучше и на равных, а это означает рacionamento.

«Но у большевиков не было равного рационирования, – перебьёт меня ваш приятель. – У них были разные рационы для разных людей».

Это верно, и в этом состояла одна из самых крупных ошибок, которые они совершили. Люди воспринимали это как нечто неправильное, и это вызывало смятение и недовольство. Большевики установили одни нормы для матросов, вторые – в меньшем объёме и худшего качества – для солдат, третьи – для квалифицированных рабочих, четвёртые – для неквалифицированных рабочих, ещё одни – для средних граждан и другие – для буржуазии. Самые большие нормы были введены для большевиков, членов партии, а коммунистические чиновники и комиссары получали специальные пайки. В какой-то момент у них было 14 различных размеров продовольственных пайков. Сам здравый человеческий смысл подскажет вам, что всё это было неправильно. Разве справедливо различать людей по тому, что они волею случая стали рабочими, механиками или даже интеллигентами, а не солдатами или матросами? Подобные методы были несправедливы и вредны: они немедленно вели к материальному неравенству и открывали дорогу злоупотреблению своим положением и возможностям для спекуляции, коррупции и обмана. Они придавали стимул контрреволюции, поскольку те, кто были настроены по отношению к революции безразлично или враждебно, ожесточились дискриминацией и тем самым становились жертвой контрреволюционных влияний.

Это изначальное и многие последующие проявления дискриминации диктовались не необходимостью ситуации, а исключительно политическими соображениями партии. После того, как они захватили в свои руки политическую власть и стали опасаться оппозиции людей, большевики попытались укрепиться в правительственных креслах, лестью завоевав

благосклонность матросов, солдат и рабочих. Но этим они вызвали в массах только возмущение и антагонизм, поскольку несправедливость системы была кричащей и очевидной. К тому же, даже «имевший предпочтение» класс, пролетариат, ощущал себя дискриминируемым, так как солдатам предоставлялись большие рационы. Чем рабочий хуже солдата? Разве сможет солдат сражаться за революцию, говорили фабричные рабочие, если рабочий не даст ему снаряжение? Солдат же протестовал против того, что матросы получали больше, чем он. Разве он не столь же ценен, как матрос? И все осуждали специальные пайки и привилегии, которые предоставлялись членам большевистской партии, и особенно комфорт, даже роскошь, которыми пользовались высшие чиновники и комиссары, пока массы страдали от лишений.

Народное возмущение такой практикой решительно выразили моряки Кронштадта. В разгар крайне тяжёлой и голодной зимы 1921 года массовый народный митинг моряков единодушно постановил отказаться от своих особых рационов в пользу менее привилегированного населения Кронштадта и уравнивать пайки во всём городе. Это подлинно революционный и этический акт выразил всеобщие чувства против дискриминации и фаворитизма и стал убедительным свидетельством глубоко укоренившегося в массах чувства справедливости.

Весь опыт учит, что справедливая и мудрая вещь в то же время является самой разумной и в перспективе наиболее практичной. Это в равной степени относится и к индивидуальной, и к коллективной жизни. Дискриминация и несправедливость оказывают особенно разрушительное воздействие на революцию, потому что революционный дух рождается именно из жажды справедливости и равенства.

Я уже говорил о том, что когда социальная революция достигнет ступени, на которой она сможет вести производство в достаточном для всех количестве, будет применяться анархический принцип «каждому по его потребностям». В наиболее индустриально развитых и эффективных странах эта стадия будет достигнута, конечно же, быстрее, чем в странах более отсталых. Но до тех пор, пока она не достигнута, необходима система равных долей, равного распределения на каждого человека, как единственно справедливый метод. Само собой разумеется, что нужно будет особо учитывать положение больных, стариков и детей, а также беременных женщин, что практиковалось и в Российской революции.

«Если я вас правильно понял, – скажете вы, – вы говорите, что всё будет распределяться поровну. Но вы же тогда не сможете ничего купить?»

Нет, ни купли, ни продажи больше не будет. Революция ликвидирует частную собственность на средства производства и распределения, и вместе с этим исчезнет капиталистический бизнес. В личном владении останутся только вещи, которыми вы пользуетесь. Так, ваши часы останутся вашими, но часовой завод будет принадлежать народу. Земля, машины и все общественные учреждения станут общественной собственностью; они не будут ни покупаться, ни продаваться. Реальное пользование будет давать лишь право пользования – как обладание, а не собственность. Например, организация шахтёров-угольщиков будет отвечать за шахты, не как их собственник, а как администратор. Точно так же братство железнодорожников будет руководить работой железных дорог и т. д. Общественное

владение, коллективно управляемое в интересах сообщества, встанет на место персональной собственности, управляемой частными лицами ради получения прибыли.

«Но если вы не сможете ничего купить, как будет с деньгами?» – спросите вы.

Никак, деньги становятся не нужны. Вы ничего за них не получите. Когда источники сырья, земля, фабрики и изделия станут общественной собственностью, будут социализированы, вы не сможете ни покупать, ни продавать. Ведь деньги – это всего лишь средство для таких операций, и надобность в них пропадает.

«Но как же вы будете обмениваться вещами?»

Обмен будет безвозмездным. К примеру, шахтёры станут доставлять добываемый ими уголь на общественные угольные склады для общего пользования. В свою очередь, они будут получать с общественных складов машины, инструменты и другие необходимые им «товары». Это означает свободный обмен, без посредства денег и без прибыли, на основе наличных потребностей и запасов.

«Ну а если не будет машин или продуктов для шахтёров?»

Если их не будет, то никакие деньги всё равно не помогут. Шахтёры не могут питаться банкнотами. Посмотрите, как это делается сегодня. Вы меняете уголь на деньги и за эти деньги покупаете еду. Свободное сообщество, о котором мы говорим, станет менять уголь на продовольствие непосредственно, без использования денег.

«Но на какой основе? Сегодня мы более или менее знаем стоимость доллара, но сколько угля нужно будет отдать за мешок муки?»

Вы имеете в виду, как будет устанавливаться стоимость или цена. Но мы уже видели в предыдущих главах, что никакого реального мерил стоимости нет, что цена зависит от спроса и предложения и колеблется в зависимости от них. При нехватке угля цена на него растёт, когда предложение превышает спрос, она падает. Чтобы получить как можно большую прибыль, владельцы угля сознательно ограничивают добычу; такие же методы действуют во всей капиталистической системе. После ликвидации капитализма никто не будет заинтересован в том, чтобы повышать цену на уголь или ограничивать добычу. Будет добываться столько угля, сколько необходимо для того, чтобы покрыть потребность в нём. Точно так же будет производиться столько продуктов питания, сколько необходимо стране. Именно потребности всех и наличные запасы будут определять то количество, которое будет получено. Это относится и к углю, и к продуктам питания, и ко всем иным потребностям людей.

«Но, предположим, какого-то продукта не хватает на всех. Что вы тогда станете делать?»

Тогда мы сделаем то же, что делают в капиталистическом обществе во время войны или при дефиците: люди будут получать по рационированной норме, с той лишь разницей, что в свободном сообществе рационирование будет осуществляться по принципу равенства.

«Но предположим, крестьянин откажется снабжать город своими продуктами, если не получит за это деньги».

Крестьянин, как и любой другой человек, хочет денег только если он может купить за них то, что ему нужно. Он быстро обнаружит, что деньги для него совершенно бесполезны. В России во время революции крестьянина нельзя было заставить продать фунт муки даже за целый мешок денег. Зато он охотно отдал бы вам целый баррель самого лучшего зёрна за пару старых сапог. Крестьянину нужны плуги, лопаты, грабли, сельскохозяйственные машины и одежда, а не деньги. За это он отдаст вам свою пшеницу, ячмень и кукурузу. Иными словами, город будет обмениваться с крестьянским двором теми продуктами, в которых каждый из них нуждается, по потребностям.

Некоторые предлагали, чтобы обмен в период перестройки общества основывался на определённых стандартах. Например, предлагалось, чтобы каждая община выпустила свои собственные деньги, как часто бывало во время революций, или чтобы за единицу стоимости был взят рабочий день, а средством обмена служили так называемые трудовые чеки. Но ни одно из этих предложений ничего не даст на практике. Деньги, выпущенные общинами в период революции, быстро обесценились бы до нуля, потому что за ними не стояло бы никакой гарантии, а без неё деньги ничего не стоят. Точно так же трудовые чеки не имели бы твёрдой и соизмеримой стоимости в качестве средства обмена. Чего стоил бы, к примеру, час работы шахтёра? Или 15 минут консультации у врача? Даже если бы все виды деятельности были сочтены равными по стоимости, и единицей был установлен час труда, как можно было бы оценить час работы маляра или час медицинской операции в пересчёте на стоимость пшеницы?

Здравый смысл разрешил эту проблему на основе человеческого равенства и права каждого на жизнь.

«Такая система может работать среди честных людей, – возразит ваш приятель. – Но как быть с теми, кто не хочет работать? Разве не правы были большевики, когда выдвинули принцип «Кто не работает – тот не ест»?»

Нет, друг мой, вы ошибаетесь. На первый взгляд, это может показаться справедливой и разумной идеей. Но в действительности она оказалась неосуществимой, не говоря уже о порождаемых ею повсюду несправедливостях и вреде.

«Но почему?»

Она оказалась неосуществимой, потому что потребовала целой армии чиновников, призванных проконтролировать, работают люди или нет. Это привело к обвинениям, встречным обвинениям и бесконечным спорам насчёт официальных решений. Так что при попытке заставить людей работать и надзирать за тем, не ленятся ли они и хорошо ли выполняют свою работу, за короткое время число тех, кто не работал, удвоилось и даже утроилось. Вскоре система принудительного труда обернулась таким провалом, что большевики вынуждены были от неё отказаться.

К тому же, эта система принесла ещё больший вред в другом отношении. Несправедливость её состоит в том, что вы не можете проникнуть в сердце или голову конкретного человека и установить, какое особенное физическое или психологическое состояние в данный момент не даёт ему работать. Учтите ещё и то, что, вводя ложный принцип, вы создаёте прецедент и тем самым вызываете сопротивление тех, кто воспринимают его как неправильный, угнетательский и поэтому отказываются сотрудничать.

Разумно организованное сообщество сочтёт более практичным и полезным обращаться со всеми людьми одинаково, независимо от того, работают они в данное время или нет. Это лучше, нежели создавать куда больше неработающих для того, чтобы следить за уже имеющимися, не строить тюрьмы для их наказания и заключения. Ведь если вы по каким-либо причинам не даёте человеку есть, вы толкаете его на кражу и другие преступления – и тем самым порождаете необходимость в судах, адвокатах, судьях и охранниках, и их содержание ляжет куда большим грузом, чем предоставление еды нарушителям. А этих последних вам всё равно придётся кормить, даже если вы бросите их в тюрьму.

Революционное сообщество станет больше полагаться на пробуждение социального сознания и солидарности в преступниках, чем на их наказание. Оно станет полагаться на пример со стороны своих работающих членов и, делая это, будет совершенно право. Ведь естественное отношение работающего человека к тому, кто работать не хочет, создаст для этого последнего столь не комфортную социальную атмосферу, что тот сам предпочтёт работать и пользоваться уважением и добрым отношением со стороны окружающих, нежели испытывать к себе презрение за свою лень.

Помните, что куда важнее, а, в конечном счёте, ещё и практичнее и полезнее поступить правильно, нежели добиться краткосрочной выгоды. Это означает, что справедливость важнее наказания, ведь наказание никогда не бывает справедливым и всегда вредит обеим сторонам: и тому, кого наказывают, и тому, кто наказывает. В моральном отношении оно ещё вреднее, чем в физическом; и нет вреда больше такого, который делает нас бесчувственными и коррумпированными.

Это совершенно бесспорная истина в вашей личной жизни, и в той же степени применима к коллективному социальному существованию.

Каждая фаза жизни при социальной революции должна строиться на основах свободы, справедливости и равенства, а также на понимании и симпатии. Только так она сможет удержаться. Это относится и к проблемам жилья, пропитания, к безопасности вашего района или города и к защите социальной революции.

В том, что касается жилья и местной безопасности, то в этом путь был указан Россией в первые месяцы Октябрьской революции. Избранные квартирсыёмщиками домовые комитеты и городские федерации этих комитетов берут проблему в свои руки. Они собирают статистические данные обо всех жилищных возможностях в данном округе и о числе тех, кому необходимы квартиры. Эти квартиры выделяются в соответствии с личными и семейными потребностями на основе равноправия.

Таким же домовым и окружным комитетам предстоит заняться снабжением города продовольствием. Индивидуальное обращение за выдачей рационов в распределительные центры было бы колоссальной растратой времени и энергии. Столь же неправильной была система, практиковавшаяся в России в первые годы революции, когда продовольственные карточки выдавались по месту работы, на заводах, фабриках и в учреждениях. Лучший и более эффективный путь, который в то же самое время обеспечивает более равномерное распределение и закрывает двери для «блата» и несправедливостей, – это рacionamento по домам и улицам. Полномочный домовый или уличный комитет получает в местном распределительном центре продукты питания, одежду и т. д. пропорционально числу жильцов, представляемых комитетом. Равное рacionamento имеет ещё и то преимущество, что оно искореняет спекуляцию продовольствием – порочную практику, которая выросла в России до гигантских масштабов из-за системы неравенства и привилегий. Члены партии или политические влиятельные лица могли преспокойно привозить в город целые вагоны муки, тогда как какую-нибудь старую крестьянку жестоко карали за продажу буханки хлеба. Неудивительно, что спекуляция процветала, причём до такой степени, что большевикам пришлось сформировать специальные отряды для борьбы с этим злом [15]. Тюрьмы были заполнены нарушителями; прибегли к смертной казни, но даже драконовские меры правительства не могли сдержать спекуляцию, потому что она была всего лишь прямым следствием системы дискриминации и привилегий. Только равенство и свобода обмена могут предотвратить это зло или, по меньшей мере, свести его к минимуму.

Наилучших результатов в деле заботы о санитарном состоянии и иных подобных нуждах улиц и округов добьются добровольные комитеты домов и местности, поскольку такие органы, то есть, сами жители данного округа, лично заинтересованы в здоровье и безопасности своих семей и друзей. Эта система в России работала куда лучше, чем созданная позднее регулярная полиция. Последняя состояла в основном из худших городских элементов и проявила себя как коррумпированная, жестокая и репрессивная.

Надежда на материальное улучшение, как уже говорилось, служит мощным фактором в прогрессе человечества. Но одного этого стимула недостаточно для того, чтобы вдохновить массы образом нового и лучшего мира и убедить их ради этого пойти на опасности и лишения. Для этого необходим идеал. Идеал, который взывает не только к желудку, но ещё больше – к сердцу и воображению, пробуждает нашу дремлющую тягу ко всему утончённому и прекрасному, духовным и культурным жизненным ценностям. Короче, идеал, который будит врождённые социальные инстинкты человека, питает его симпатии и сочувствие к ближнему, воспламеняет его любовь к свободе и справедливости и пропитывает даже самых низких благородством мысли и дела, что мы нередко видим в жизни во время катастрофических происшествий. Достаточно где-нибудь случиться большой трагедии – землетрясению, наводнению или железнодорожной аварии – и пострадавшим адресуется сочувствие всего мира. Акты героического самопожертвования, отважного спасения и безграничной помощи демонстрируют подлинную природу человека и его глубинные чувства братства и единства.

Это верно для людей во все времена, во всех климатических зонах и из всех социальных слоёв. Прекрасной иллюстрацией этого служит история Амундсена. После десятилетий

тяжёлой и опасной работы знаменитый норвежский исследователь решает провести последние годы в наслаждении литературным творчеством. Он объявляет о своём решении на банкете, устроенном в его честь, и почти в тот же самый момент приходит известие о том, что отправлявшаяся на Северный полюс экспедиция Нобиле[16] закончилась катастрофой. Он немедленно отказывается от своих планов на спокойную жизнь и готовится вылететь на помощь пропавшим авиаторам, полностью сознавая опасность такого предприятия. Человеческая симпатия и внутреннее побуждение помочь людям, попавшим в беду, преодолевают все соображения личной безопасности, и Амундсен жертвует своей жизнью ради спасения команды Нобиле.

Дух Амундсена живёт глубоко во всех нас. Сколько учёные отдали свою жизнь в поисках знаний, которые должны принести пользу человечеству; сколько врачи и медсёстры погибли, ухаживая за людьми, страдающими от заразных заболеваний; сколько мужчин и женщин добровольно пошли на верную смерть в попытке сдержать эпидемию, которая опустошила их и даже чужую страну; сколько людей, простых трудящихся, шахтёров, моряков, железнодорожников, неизвестных и никем не воспетых, пожертвовали собой в духе Амундсена? Имя им легион.

Именно эта человеческая природа, этот идеализм должны быть разбужены социальной революцией. Без них революции быть не может; без них она не может жить. Без них человек навсегда обречён оставаться рабом и ничтожеством.

Дело анархиста, революционера, умного, классово сознательного пролетария – подать пример, взрастить в себе этот дух и передать его другим. Только он, этот дух, может победить силы зла и тьмы и построить новый мир человечности, свободы и справедливости.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 апреля 2026 14:26:33

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 апреля 2026 14:26:47